

КРОКОДИЛ

Цена 25 коп.

№ 22

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВКП(б)
„ПРАВДА“
АВГУСТ 1932 г. МОСКВА

Этот номер „КРОКОДИЛА“ выходит в 4 изданиях: основное, московское, ленинградское и урало-сибирское.

УРАЛО-СИБИРСКОЕ ИЗДАНИЕ

М. Хратковский

— А ты, милый, не опоздаешь с уборкой?
— Что ты? Наше дело известное, — как получим третий нагоняй из центра, сейчас же начнем уборку в ударном порядке.

Л. Бродаты

БЕЗРАБОТНЫЙ НА ЗАПАДЕ: — Сидеть без хлеба у воды или сидеть на хлебе и воде — вот в чем вопрос!

ОТРЫВОК РАЗГОВОРА

ВСТРЕТИЛИСЬ две дамы: дама пижонистая и дама, которая в курсе. После вдохновенной беседы об актуальнейших вопросах шестимесячной завивки дамы коснулись дипломатии и политики.

— Вчера видела вашего Ваничку, он почему-то в косоворотке, без галстука.

— А Иван Александрович на-днях подает заявление в партию. Сейчас, вы знаете, специалистов даже привлекают. Неудобно же в галстуке.

— Почему же такой аскетизм?

— Ваничка говорит, что коммунист должен быть еще аскетнее. Желательно даже в сапогах.

— Ну вы, милочка, просто не в курсе. Напротив, мой Жорж вывесил дома изречение: „Мы не секта и не аскеты, нам не чужды хорошая квартира, хороший костюм, галстук и любовь!“

— А за это не попадешь?

— Да что вы! Какая чудачка! Совершенно наоборот. Жорж всегда, как попадет в контрольную комиссию, говорит: „Мы не сектанты, мы не аскеты...“ Только на аскетах и выезжает.

— Неужели, а я совсем и не знала. У вас есть карандаши?

— Губной?

— Нет, записать про аскетов.

— Да вы заходите ко мне домой. Там перепишем точно.

— Большое спасибо. Непременно зайду. Но вы подумайте, бедный Ваничка! Еще и не записывался, а впал в уклон. Придется перестраивать убеждения.

— Ну, это пустяки! А есть у Ивана Александровича энтузиазм, хотя бы средний?

— Определенно есть! Даже выше среднего. Ваничку пугают только трудности: придется ходить по собраниям и читать газеты.

— Да, конечно, времени будет пропадать больше, но тут вопрос техники. На собрания можно ходить через одно или через два, а газеты не, обязательно читать, достаточно просматривать. Надо же быть в курсе.

— Безусловно. Я тоже так думаю. Вообще без газет, как без рук. И для выкроек и другой раз мух побить. Тем более, газеты ничего не стоят, — гроши.

— Ну, насчет мух, разумеется, уже упрощенство. Важно, идеология, информация. Тиражи, например.

— Все верно, очень верно. Вы, душечка, прямо верх сознательности, прелесть что такое! Значит, все трудности можно преодолеть?

— Разумеется.

— Вы не представляете себе, как вы меня обрадовали. Особенно насчет аскетирования. А Ваничка определенно созрел. Убеждения, энтузиазм, прямо весь горит. Завтра же пошлю записываться.

— Да вы очень-то не торопитесь. Об'ективные-то условия выяснили?

— Какие об'ективные условия?

— Ну вот — отчисления сверх партмаксимума?

— Как? А разве нужно „отчислять“? Да ведь, говорят, отменили!

— Точно не могу сказать. У Жоржа нет добавочного заработка, — нам не требуется. А у Ивана Александровича ведь совместительство и отдельно за проекты...

— Нет, этого быть не может. Если отчисления, то просто невозможно. Голубчик, узнайте, пожалуйста, вам удобнее, а то еще подумают — из-за шкурных интересов.

— Конечно, я узнаю. Нельзя же так.

— Нет, вы подумайте! Совершеннейшая рохля! Собрался подавать, а про самое главное не узнал толком. А вы когда наведете справку?

— Сегодня же я вам позвоню. Жорж в курсе всех неприятных вопросов.

— Ну, вот спасибо. А то подумайте. Ваничка, может быть, вообще напрасно сменил сорочку из зефира...

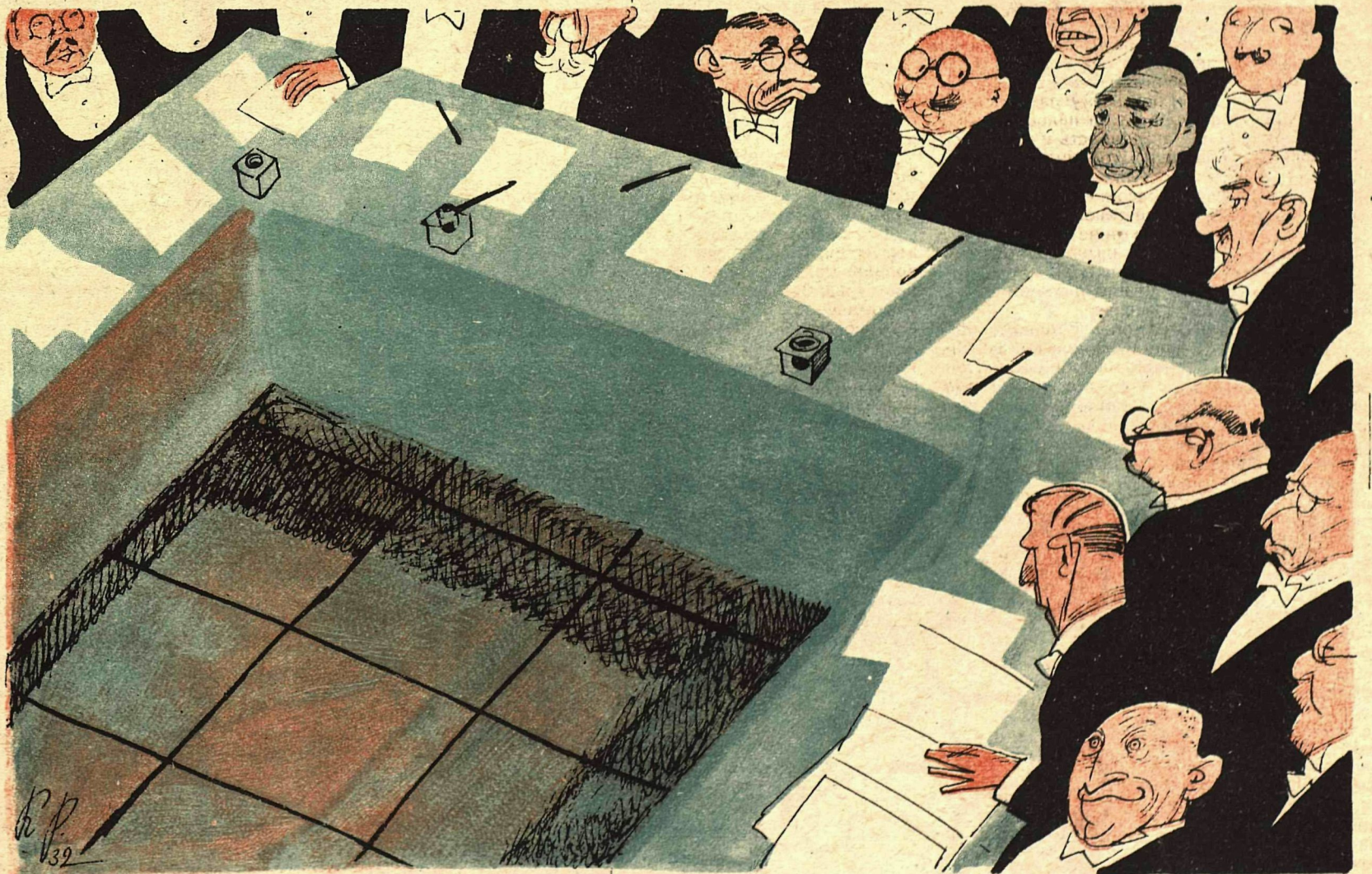
При упоминании о сорочке обе дамы машинально взглянули на вырезы друг у друга, и беседа перекинулась к сорочкам вообще и к дамским, в частности.

Политика была быстро забыта, и разговор принял узко технический характер.

Б. Салмонов.

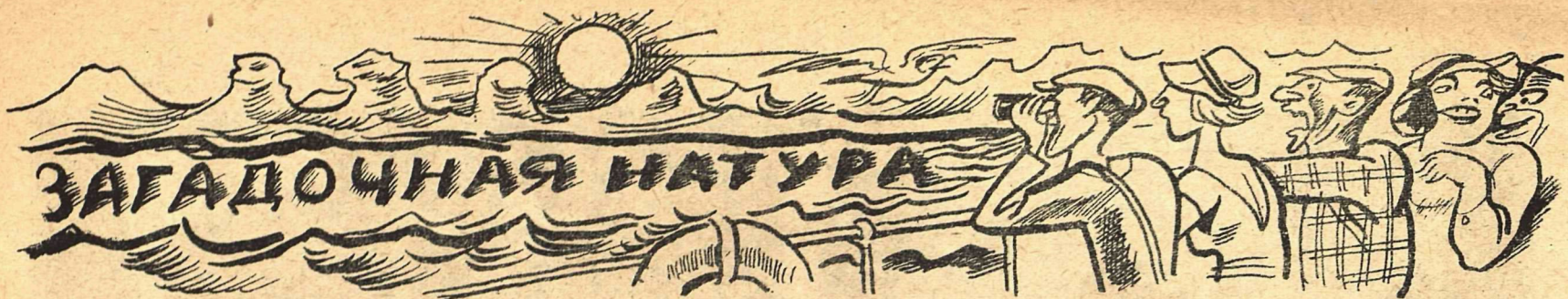

ДЖЕНТЛЬМЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Н О Ч Н О Й Г Р А Б Е Ж

ПОПРАВКА: К сожалению, по недосмотру редакции подписи перепутаны: конечно, под первым рисунком следует читать „Ночной грабёж“, а под вторым — „Джентльменское соглашение“.

ЗАГАДОЧНАЯ НАТУРА

Фельетон Иностранца Федорова

Рисунки А. Радакова

МИМО парохода, справа налево, подвигались желтые Крымские горы. В их географически четком рисунке чудились зазубренные гривки и выпуклые бюсты шахматных коней. Теплая голубенькая вода нежно облегла знаменитый полуостров.

В буфете II класса мерно дребезжали стаканы. Пассажиры пили пиво, смотрели, вытянув шеи, в широко раскрытые, обшитые медью иллюминаторы, восхищались природой и делились наблюдениями.

А в это время двое сдружившихся в дороге работников областного масштаба сидели нос к носу в курительной комнате и беседовали на родственные областные темы.

— Значит, вы теперь отдыхать? — мечтательно сказал первый. — Так. Это хорошо. Здоровый, так сказать, отдых необходим. Да. Это здорово. А я, так сказать, в командировку. Да. В командировку я. Да. М-м-да. Значит, сеноуборочную вы перевыполнили? Здорово. Это здорово. А как у вас с культпоходом?

Оказалось, с культпоходом у отпускника тоже все обстоит благополучно.

Пассажиры затронули еще ряд волнующих актуальных тем и перешли к вопросу о живом человеке. Они выискивали общих знакомых, вспоминали любимых начальников и подробно рассказывали о сослуживцах.

— Конечно, разные бывают работники, — молвил командировочный, ловко свертывая скрутку из папиросной бумаги с лиловыми строчками пишущей машинки, — в особенности в областном масштабе. — Он усмехнулся. — Есть у нас один работник. Такой товарищ Дубекин. Не слышали? Да. Товарищ Дубекин. Он, скажу вам, человек — необыкновенный. То-есть не то, чтобы необыкновенный, а немножко, так сказать, странный. Хотя, скажу вам, в нем нет странностей как таковых. А вот — загадочная натура и все тут! Конечно в областном масштабе. Никак не можем найти ему раз'яснения.

Командировочный пошевелил пальцами, желая этим подчеркнуть загадочность и не раз'яснимость натуры товарища Дубекина.

— Припадочный он, что ли? — спросил отпускник снисходительным басом. — Такие факты иногда встречаются на практике.

— Да вы слушайте! Ничего он не припадочный. Я вам расскажу. Загадочная натура. Слушайте.

Командировочный высоко поднял брови, помедлил самую малость и с удовольствием начал привычный, как видно, рассказ:

— У нас все знают Дубекина. Еще когда были губернии, он работал в губернском масштабе, а потом, так сказать, механически стал работать в областном. И вот, скажу вам, года три назад, в связи с самокритикой, стали замечать за Дубекиным странные факты. Как сейчас помню, назначили его на Мясохладобойню. У нас, скажу вам, отличная была Мясохладобойня. Да. Прошло со времени назначения Дубекина месяца два, и все заметили, что процент забойности стал снижаться. Среди работников также стало замечаться разгильдяйство. Да и качество продукции захромало на все три ноги. Что за чорт! Подождали еще месяца четыре и, скажу вам, пришли в ужас. Хладобойня просто гнила на глазах. Решили принять меры. Дубекина сняли и принялись прощупывать, что он за человек. Щупали, щупали — все в порядке. Стаж хороший. В уклонях не был. Ни одного взыскания. Профбилет, как стеклышко. Самокритику не зажи-

мал. Не бюрократ. Одним словом, скажу вам, никаких грехов. Что случилось. Ничего непонятно. Бросили его в кооперацию. Стали смотреть, что будет. Через месяц — стоп, начинаются неполадки. То здесь трещина, то там прорыв. Скоро с прилавка исчез даже наждачный порошок. Взяли Дубекина за машинку. Искали, смотрели, ревизовали, проверяли, — все в порядке. Никаких растрат, никаких злоупотреблений, никаких самоснабжений. Честный дьявол, как снег.

— Может, он общественность не вовлекал? — спросил отпускник.

— Еще как вовлекал! — воскликнул командировочный. — Лавочные комиссии все, как один, заявили, что Дубекин с общественностью постоянно считался. Тогда решили, что он просто лентяй. Проверили. Оказалось, ничего подобного. На службу приходил раньше всех. Уходил ночью. Домой работу брал. Отказался от отпуска. И дисциплину поддерживал на-ять. Постоянно штрафовал опаздывающих.

— Может, склочник?

— Ничего подобного. Проверяли. Никто не жаловался. Даже, наоборот. Говорят, человек тихий, добрый, покладистый. Ко всему еще хороший товарищ. Тут, скажу вам, какая-то тайна. То-есть не то, чтобы мистика, а просто загадка природы. У нас все в областном масштабе ломали головы над Дубекиным. Ну, не к чему придираться. Да. Бросили его, конечно, в деревню, на яйцезаготовки. Было в районе 60 процентов, надо было подтянуть. Поехал Дубекин в район. Посидел там всего две недели и, что же! Процент с шестидесяти сканул на сорок. Ну, знаете, скажу вам, тут все руками развели. Вызвали Дубекина молнией. Стали выяснять, в чем же, наконец, дело. Может, загибал? Оказалось, ничего подобного, не загибал. Может, послабления делал? Нет, и послаблений не делал.

— Может, на массовую работу обращал недостаточное внимание? — спросил отпускник, подумав.

— Нет. Обращал. Это было доказано. Вообще никаких дефектов. Начали выяснять, как Дубекин в домашнем быту. Нет ли, мол, какого-нибудь домашнего обростания, каких-нибудь таких извращений в частной жизни. Не деспот ли, мол, в семейной обстановке. Обледали. Да. И, скажу вам, оказался, сукин сын, без сучка, без задоринки. Никаких загниваний. Скромный, трезвый, живет бедной трудовой жизнью. Женат только один раз. Дочь у него — девочка-пионерка. Сынишка — октябренок, издает собственную стенгазету. Дедушка — пенсионер. Среди семьи Дубекин ведет воспитательную работу. Скажу вам, так сказать, всем бы нам такое семейное окружение.

— Может быть, какие-нибудь посторонние влияния?

— Эге! Я сам так сначала думал. Оказалось, нету. Напротив. Сам на всех оказывает здоровое влияние. Тут, у нас в области только глазами захопало. Судя по всем фактам, его не то что взгреть, а прямо за образец нужно поставить. Думали, думали и решили использовать Дубекина на литературной работе. Все-таки ценный работник, без единого взыскания, ни в чем не был замечен. Так и сделали. Только не проходит и полугода, как писатели начинают жаловаться. Читатели тоже жалуются. Издатели тоже. „Что же он, спрашивают, обидел вас, что ли?“ — „Да нет, говорят, не обидел. Он, говорят, парень теплый“. — „Что же он вам причинил что-нибудь или как?“ — „Да нет, отвечаю, ничего он нам не причинил“. — „Может, он не выдержанный?“ — „Нет, говорят, вполне выдержанный товарищ, только мы с ним не можем работать“. — „Почему же не можете?“ — „Да какой-то он, говорят, такой, одним словом, какой-то не такой, говорят, а какой-то он другой, а в общем, человек что надо. Положительный тип“.

Кинулись узнавать прошлое. Авось, где-нибудь в биографии что-нибудь такое отыщется. Куда там! Желаю всем такое прошлое! Отец — кустарь-одиночка без мотора. Мать — домашняя хозяйка. Просто хоть памятник ставь человеку. А аккуратный, собака, сил нет! Членские взносы, скажу вам, вперед платит. Даже в Общество друзей радио вперед вносит! Ну, что с ним сделаешь! И нагрузки разные несет. Никогда ни от чего не отказывается. Так у нас, в областном масштабе, и не разгадали этого человека. Загадочный характер. Тайна. Своего рода достопримечательность, вроде публичной библиотеки. Один наш товарищ, горячая голова, решил было, что Дубекин просто сумасшедший, так сказать, тайный псих. Такие случаи бывали. Что ж! Послали к нему комиссию врачей под видом бытового обследования. Проверили. Нашли, что человек вполне отвечает за свои поступки и находится в полном сознании. Извинились и пошли домой. Сейчас его бросили в городской театр. Налаживать оперную работу.

Командировочный вскочил.

— Ну, не загадочная натура? Не знаю, что дал бы, чтоб разгадать нашего Дубекина. Тайна природы! Неразрешимая задача!

— А, может быть, он дурак? — сказал отпускник, морща лоб. — А? Просто обыкновенный дурак. У нас такие факты встречались на практике.

Командировочный медленно сел в кресло.

— К-как вы говорите? Ду-рак?

— Конечно дурак. Ясное дело. Тут и думать долго нечего. Дурак и есть.

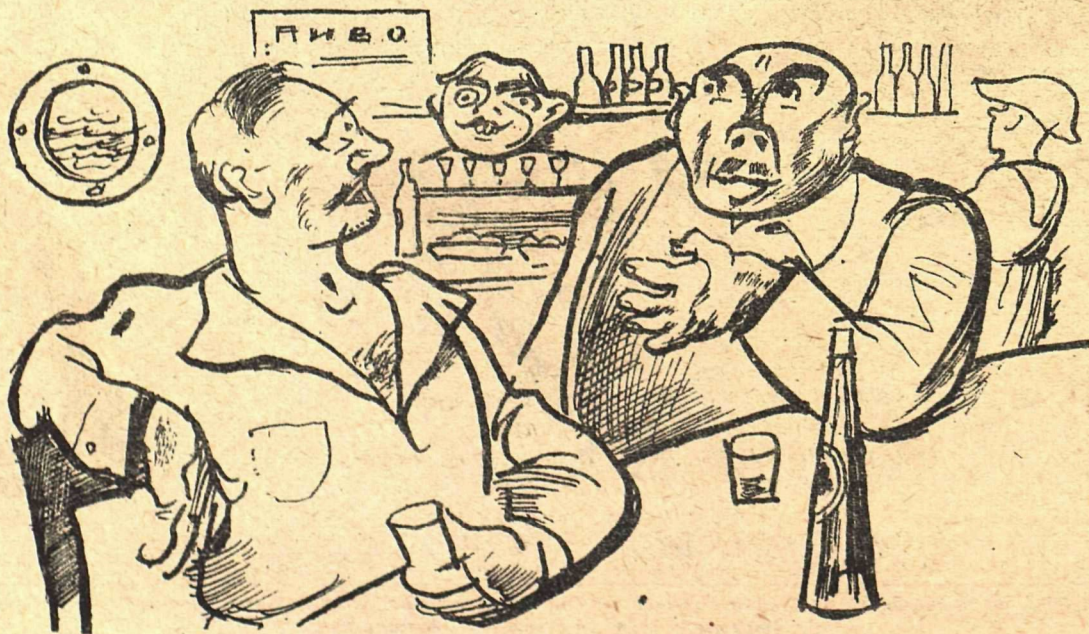
Командировочный начал багроветь.

— Дурак, — бормотал он, — гм... дурак. Да. Как же это я... Как же это мы... Ах ты, чорт! Пожалуй, что и действительно дурак. Ай-яй-яй! Конечно, Дубекин дурак! Вот тебе раз, не догадался. Так сказать, недоучли. Недооценили.

И командировочный жалобно взглянул на собеседника.

Машина дала задний ход. Корабль задрожал. Из-под винта, обгоняя друг друга и перепорачивая арбузные корки, покатились барашки белой пены. На гранитный дебаркадер Ялтинского порта полетел причальный конек.

Иностранец Федоров.

БЕРАНЖЕ О СОВРЕМЕННЫХ КОРОЛЯХ

(О КОРОЛЯХ УГЛЯ, МЕТАЛЛА, НЕФТИ, МЯСА, УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫХ ПОДТЯЖЕК И О ПРОЧИХ КОРОЛЯХ, ЕЩЕ НЕ ОКОНЧИВШИХ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ)

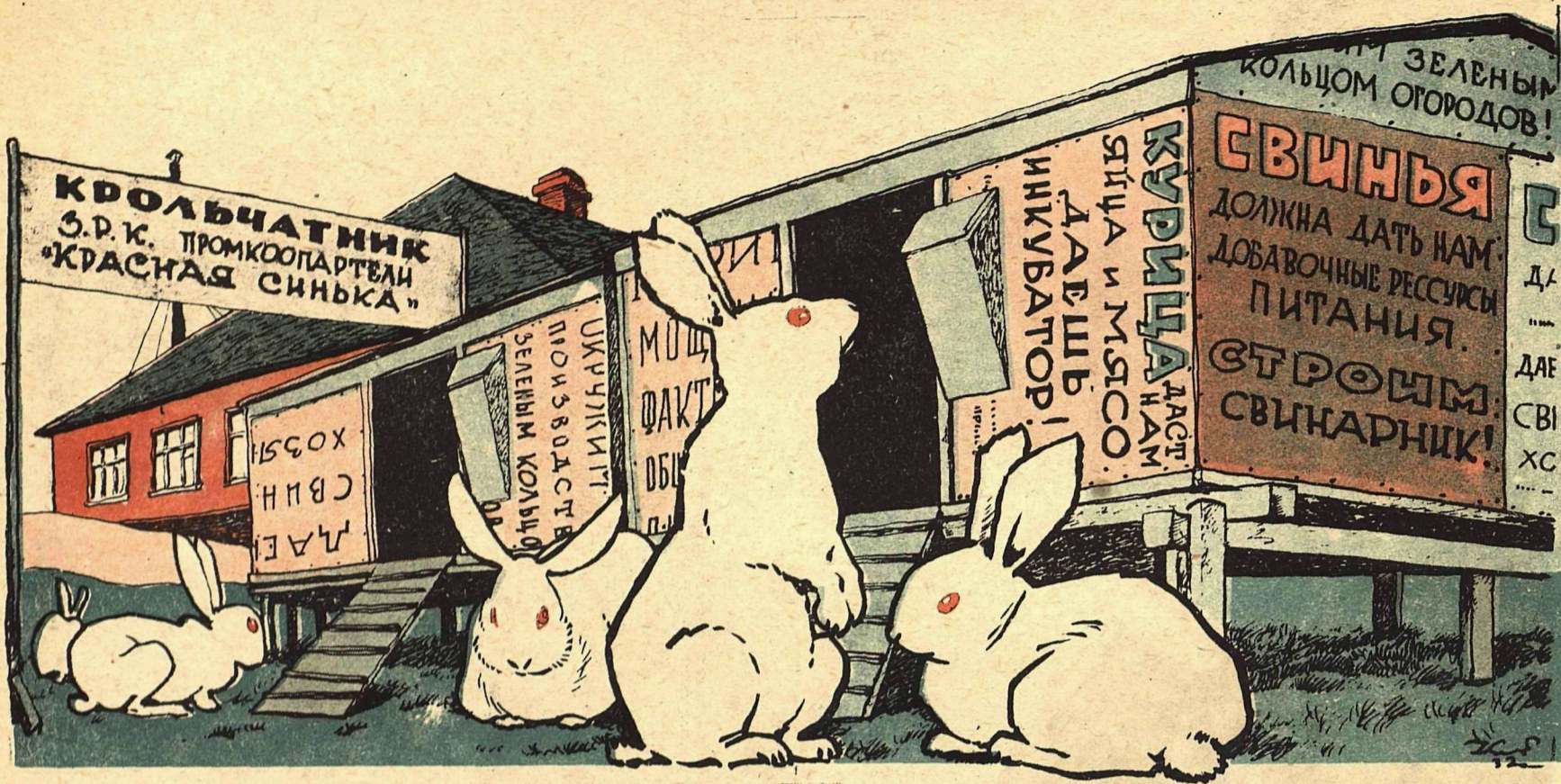
Кукрыниксы

КУКРЫНИКСЫ 32

У нас давно раздался гул потопа:
„Господь! Господь! От кары нас избавь!“
Так молят бога короли Европы,
А (я) в ответ: „Пускайтесь, дети, вплавь“.
Престолы снесены, и в океане
Мы видим этих царственных особ,
Из их венцов монету начеканят.
Властители! Поглотит вас потоп.

(„Беранже“, „Le déluge“ („Потоп“)).

— Отчего ты такой грустный?

— Боюсь, что мой крольчатник наши бюрократы вздумают еще, чего доброго, переделать в улей.

Д Р Е Б Е З Г И

ДЬЯВОЛ В КОМАНДИРОВКЕ

Как приятно сослаться на соучастников, не имеющих точного адреса... Убийца Думера белогвардеец Горгулов в письме из тюрьмы заявил, что:

„господь-бог возложил на меня обязанность спасти русский народ. Какой-то дьявол сидел у меня в голове и все меня понуждал“

Адрес бога, который предложил Горгулову спасти Россию, теперь уже восстановлен. Интересно было бы знать теперь точно фамилию дьявола, который по служебной командировке сидел в горгуловской голове.

УМНИК БЕЗ ПРИВЯЗИ

В Нью-Йорке министр внутренних дел Вильбур выпустил воззвание к безработным, в котором предлагает:

„использовать „невольное безделье“ для поездки в знаменитые национальные парки“.

Особенно из всех парков полезно побывать безработным в зоопарке и посмотреть там хлопающего ушами соавтора Вильбура по этому воззванию.

МОЛЧАНИЕ, КОТОРОЕ ВРОДЕ ЗОЛОТА

В штате Массачусетс массонский клуб вынес постановление:

„кто из членов клуба хотя бы единым словом упомянет о кризисе прямо или косвенно, тот уплачивает штраф в полдоллара“.

Спрашивается: зачем в Массачусетсе терять на разговоре о кризисе по полдоллара, когда в Нью-Йорке можно заработать на молчании о кризисе более солидные суммы?

ЗАКОН БЕЗ НАМОРДНИКА

Берлинский полицейпрезидент Гржезинский *„ввел новый метод „успокоения“ рабочих окраин: применение для района на-*

чинающихся демонстраций полицейских собак, которые набрасываются на людей и кусают их“.

Теперь требуется выяснить только одно: где опаснее полицейские собаки — на улице или в полицейпрезидиуме.

ТАНЦЫ ПОД АПЕНДИЦИТ

Проблема серьезной музыки была сложна, и немудрено, что каждый ее решал по-своему. Так в Канаде один композитор написал музыку для танцев под названием „Инфлюэнца“. В этом опусе, — пишет „Таймс“:

„головные боли прекрасно переданы арфой, начало лихорадки — кларнетом, а выздоровление — барабаном“.

Странно, что композитор остановился на такой мелкой теме. Рапсодия „Холера“ была бы еще эффектнее для танцев, особенно в тех местах, где судороги изображались бы флейтой пополам с контрабасом.

Ни ты ни се

АЙТКИНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

(Современная новеллина)

БЫВАЕТ же такое досадное совпадение: 27 июня, в день, когда нужно было срочно произвести выкатку сплавного леса в селе Айткино, Устьвимского района, что в области Коми, в местном сельпо появилась водка.

У магазина быстро вырос длинный хвост. Перед сельсоветом стал во всю ширь сложный вопрос: как не проворонить водку и вместе с тем справиться с выкаткой леса? Председатель И. П. Калимов заметался в тревоге. Президиум четыре раза подряд не удалось собрать. Сегодня обязательно должно состояться заседание. Но, увидев бегущих в очередь членов президиума, председатель безнадежно махнул рукой и, захватив пустую посудину, выбежал на улицу, где столкнулся с секретарем ячейки Андреевым.

— Постой минутку! — задержал его Андреев. — Президиум ясно сорван. Как сейчас горячая пора, то раздели функции. Ты, небось, без очереди получишь, так на мою долю захвати. А я лесом займусь.

И они разошлись выполнять задания.

Тов. Андреев твердо знал, что ему делать. Айткинские политехнические мастерские уже не раз участвовали на субботниках. Молодежь не подкачает и сегодня. Он вошел в класс и, прервав урок, обратился к учащимся с краткой, но решительной речью:

— Как вы есть смена, а прочее население сверхурочно занято, то все, как один, мобиливайтесь!

Учащиеся быстро организовались и ушли за 10 километров на работу. Разрешив задачу, Андреев с легким сердцем отправился по своим делам.

* * *

Было уже темно, когда возвращались с работы учащиеся. Они проходили стройной колонной мимо сельсовета и, заглянув в освещенные окна, убедились, что на сей раз сельсовет, наконец, собрался.

За столом и под столом расположились члены президиума. Председатель храпел, уткнув голову в селедку. Один тов. Андреев не сдавался и по-боевому вел заседание:

— Кто за? — кричал он. — Кто против? Кто воздержался?..

Но воздержавшихся не было. Все были пьяны вдым.

Пройдя сельсовет, молодежь затянула бодрую комсомольскую песню. А вдалеке тренькала балалайка и чей-то сиплый голос выводил:

„Нынче пьян, завтра пьян, — целую неделю“.

УЧЕБНАЯ ЭПИДЕМИЯ

И ЖИТЬ ТОРОПИТСЯ
И ЧУВСТВОВАТЬ СПЕШИТ

СТРАНА советская полна
работой и учебой.
Старик, ребенок, муж, жена, —
Вперед стремится вся страна.
Останови, попробуй!

В одних рядах и дед и внук
Штурмуют крепости наук.
И учатся колхозы,
Заводы, города.
Учиться
Не поздно,
Не поздно никогда!

Глядишь, вчерашний пастушок,
Неграмотный парнишка, —
Сегодня, не жалея ног,
На курсы мчится с книжкой.

И глядь, — уж он на трактор влез
И лучший техник в ЭМ-Тэ-ЭС.
По праву он гордится
Успехами труда.
Учиться,
Учиться
Не поздно никогда!

Но не у всех такой успех,
Мою семью возьмите:
У нас с учебой смех и грех.
Я расскажу... Хотите?

И пусть забавный мой рассказ
Заставит быть серьезней вас.
Учеба — не игрушка,
Не модные штаны.
Учиться
Нам нужно
Для пользы всей страны.

★
Отец мой — старый метранпаж,
Искуснейший печатник —
Снял дачу и, вошедши в раж,
Решил создать крольчатник.

Ища для кроликов еду,
Он спит и грезит находу:
— Эх, что там все телята!
Вот кролик — это да!
Учиться,
Ребята,
Не поздно никогда!

У мамы вдруг открылся дар
Готовить вкусно кашу.
И вот, забывши про базар,
С утра на курсах „Кулинар“
Работает мамаша.

И метит в шефы-повара,
Твердя с полночи до утра:
— Ударникам годится
Хорошая еда.
Учиться,
Учиться
Не поздно никогда!

Давно решил мой старший брат
Сдавать на агронома
И, насадив десяток гряд,
Устроил он в прихожей сад
И рай устроил дома

Мичуриним он хочет стать
И грушу к сливе прививать.
Хоть слива не родится
И в комнатах вода, —
Учиться,
Учиться
Не поздно никогда!

Другой мой брат решил давно,
Покончив с репортажем,
Быть оператором в кино,
И нам судьбою суждено
Служить ему типажем.

Мы все попали по сто раз
В его упорный киноглаз.
Хоть снимок не годится
Порою никуда, —
Учиться,
Учиться
Не вредно никогда!

Сестре моей шестнадцать лет,
Она врачом быть хочет.
Забыв кино, забыв балет,
Купивши череп и скелет,
Она ланцеты точит.

И, проявляя пыл и прыть,
Готова все на свете вскрыть.
Лечиться у сестрицы
Решили мать и дед.
Учиться,
Учиться
Полезно, спору нет!

Братишка маленький — и тот
Стремится в инженеры.
Он — и конструктор и пилот,
И хочет совершить полет
На крыльях из фанеры.

Способный мальчик. Хоть и мал,
Но восемь стульев поломал.
Отец на брата злится,
Но я твержу всегда:
— Учиться,
Учиться
Не рано никогда!

И, поглядев на всю семью,
Не раз и сам я думал
Менять профессию свою:
— Зачем я строчки создаю?
Возьму, мол, и уйду, мол!

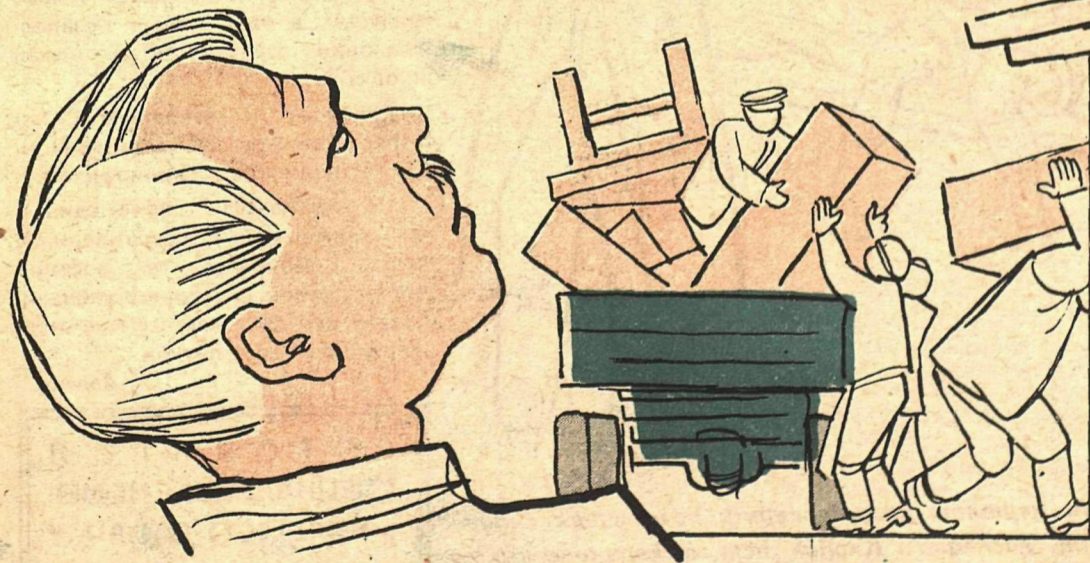
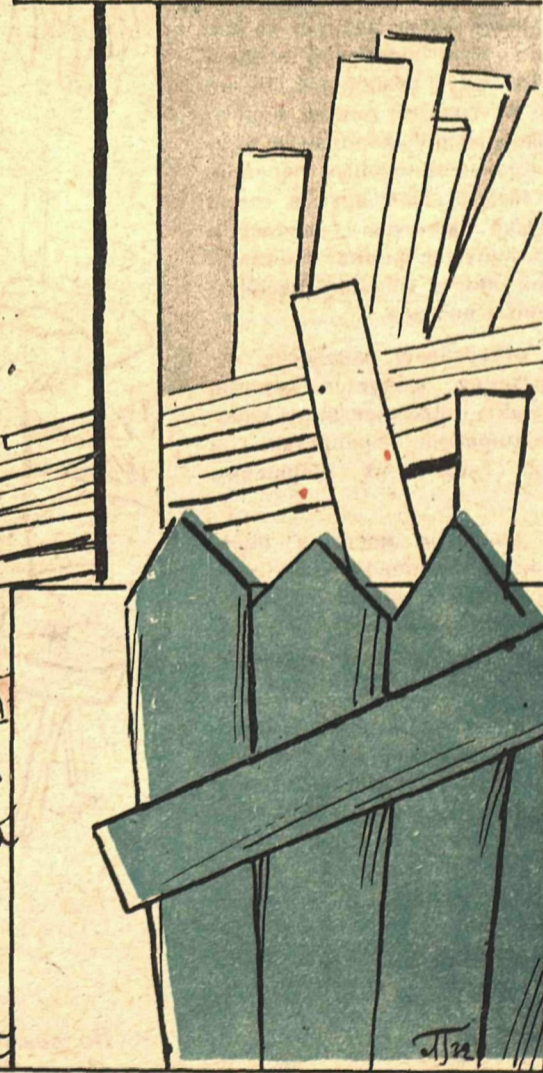
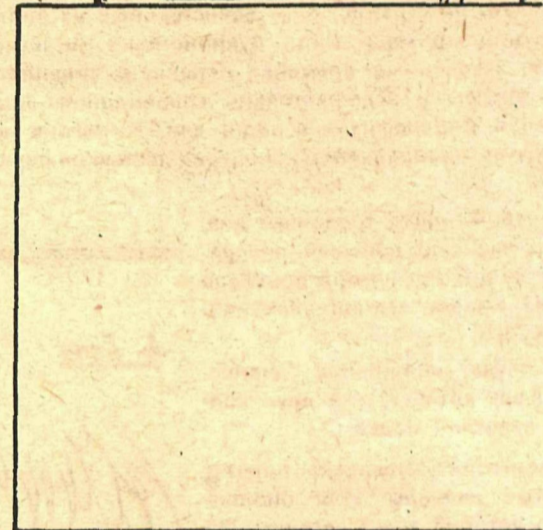
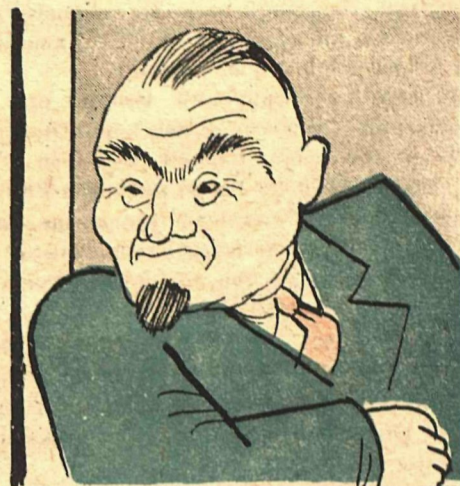
Мне ведь тоже нипочем
Стать пилотом иль врачом,
Агрономом, инженером
Или
Мили-
ционером!

Но чуть бросаю я писать,
Начнет под ложечкой сосать...

Работать не годится,
Коль песен не слышать.
Учиться
Трудиться,
Учитесь отдыхать!

Вас. Лебедев-Кумач.

Л. Генч

— Позвольте, товарищ, как же вы в'ехали? Ведь это же дом для специалистов?
— А я и есть специалист... по занятию чужой площади.

Сезам Отворись

МОЙ ДРУГ — спортсмен. Не думайте, что он атлет. Мой друг не играет в теннис и даже не посещает футбольных матчей с турками. Но он чудесный бегун на длинные дистанции, когда речь идет о пополнении его коллекции.

Мой друг — коллекционер. Кто из нас не переболел в детстве этой болезнью, неизбежной, как корь? Она выливалась то в пламенную страсть к почтовым маркам далекого Мадагаскара, то в увлечение стертой бронзой монет древнего Рима.

Иногда болезнь протекала с осложнениями. Тогда Лели и Саши бросались в погоню за железнодорожными билетами или обертками от карамели. Глаза их при этом становились мутными, руки дрожали, дыхание было прерывистым.

С наступлением половой зрелости эта болезнь обычно исчезала. Моему другу далеко за тридцать, но он неизлечим.

Мой друг — библиофил. Целые дни он проводит в погоне за раритетами. Он добывает их всюду: в учреждениях, в частных собраниях, у знакомых.

Как это ни странно, он — единственный из библиофилов, который равнодушно проходит мимо букинистов у Китайской стены. Его не волнуют изъеденные временем переплеты средневековых фолиантов. Он интересуется исключительно современной литературой. Не так легко быть библиофилом в наши дни. В погоне за новой книжкой мой друг не останавливается ни перед лестью ни перед тонкой паутиной обмана.

Вечером, после трудового дня, он, нагруженный добычей, возвращается домой. Распухший портфель его напоминает ягдташ удачливого охотника.

И тогда начинается лирика. Дожевывая котлету, мой друг спешит к заветной полке.

Неопытного человека поразят скромные размеры этой библиотеки, о которой ходят легенды. Он увидит маленькую резную полочку, задернутую шелковой занавеской. Мой друг разборчив. Он не гонится за пухлыми томами, и с его маленькой резной полочки не осыпается бронза золоченых переплетов „Academia“. Мой друг в своей библиотеке кажется Гулливером среди лилипутов: формат его самой большой книги меньше расписания дачных поездов.

Он отдергивает занавеску, затравив дыхание, любитесь синими, оливковыми, коричневыми и серо-буро-малиновыми переплетами и любовно гладит их шершавые спины.

На почетном месте в переплете из шагреновой кожи красуется пропуск в самый закрытый распределитель. Он открывает полное собрание пропусков и удостоверений на все случаи жизни.

Как и всякая почтенная библиотека, собрание моего друга делится на ряд отделов. Снабжение, транспорт, театр и кино, общественные науки и спорт — все это полно представлено в коллекции пропусков. Большое место в ней отведено истории. В этом отделе богато представлена жизнь моего друга в период военного коммунизма.

Как реликвии, уцелели мандаты, написанные огрызками химических карандашей на оберточной бумаге всех цветов радуги. Они давали ему

право проезда на крышах штабных вагонов и даже на паровозных трубах скорых поездов. Последней в подотделе военного коммунизма хранится истрепанная справка.

„Дана сия тов. (имя рек) в том, что он решением Ревтрибунала приговорен к высшей мере наказания условно, что подписью и приложением печати удостоверяется“.

В остальных отделах библиотеки документы носят менее условный характер. Как линейные перед церемониальным маршем, выстроились пропуска на все парады последнего десятилетия. Отдел транспорта состоит из универсальных картонных отмычек, которые предоставляют их владельцу право бесплатного проезда по земным, воздушным и водным путям. Пропуска на подземку нет в библиотеке моего друга только потому, что строительство метрополитена еще не закончилось.

В отделе общественных наук собраны билеты всех существовавших добровольных обществ, начиная от состоявшего под высочайшим покровительством общества покровительства животным. Как боевые знамена, над полочкой склонились их значки и эмблемы.

Мой друг — культурный человек. Кроме пропусков в магазины ширпотреба, его коллекция увенчана разрешениями на право бесплатного пользования всеми институтами духовного ширпотреба: театрами, цирками, концертами и даже комнатами смеха и ужаса, щедро разбросанными ГОМЭЦ на бульварах.

Над библиотекой висит вышитый золотыми буквами лозунг: „Сезам, отворись!“

И действительно, достаточно моему другу показать краешек книжки или пропуска из своей богатой коллекции, как перед ним гостеприимно распахиваются двери и радушно открываются входы.

Однажды (это было летним лунным вечером) мой друг собрался ко мне на новоселье. Я живу в новом доме на восьмом этаже, и Москва расстилается под моими ногами широким, цветистым ковром.

Мы подошли к лифту, и тут моего друга, кажется впервые в жизни, постигла неудача. Лифтер бегло взглянул на справку о том, что я проживаю на восьмом этаже этого нового чудесного дома, и пропустил меня в кабину. По отношению к моему другу он оказался неумолимым. Ничто не помогало: его синие, оливковые, коричневые и серо-буро-малиновые талисманы не производили на лифтера никакого впечатления.

— Лифтом пользуются только живущие в этом доме, — безапелляционно отрезал он и нажал кнопку.

Впервые не отворился Сезам перед моим другом — спортсменом, коллекционером и библиофилом.

Я подымался в лифте один, а он, униженный и посрамленный, кряхтя взбирался на восьмой этаж, с трудом одолевая ступеньки. Сверху мой друг казался мне медленно ползущим пауком.

Абрато.

НОВИЧОК В ДОМЕ ОТДЫХА

Л. Генц

— Во время мертвого часа, товарищ, полагается спать.
— Как тут заснешь?.. Клопов нет, в коридоре никто не ругается, в соседней комнате не играют на гармошке...
Трудно с непривычки!..

ГОТОВИТСЯ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР
„КРОКОДИЛА“
КОМСОМОЛЬСКИЙ

НЕЛЕГКАЯ ДЕРНУЛА...

ЭТО, ИЗВИНИТЕ, товарищи, на самом деле так: нелегкая дернула пост „Крокодила“ заинтересоваться ни с того ни с сего не производством, не строительством, не искусством, а детьми!

Если вы пойдете от управления строительства и заводу управления по шоссе к соцгороду, то по правой руке будет у вас вскоре после звукового кино длинный барак. На нем написано — „Нарпит“. Знаете? Ну вот, это самое.

Заходим в нарпит. Принимают любезно, вежливо, как в советском учреждении. Замдиректора товарищ Никуленкова на наш вопрос о детях аж прослезилась:

— Дети? У вас в Москве уже забыли изречение: „Дети — цветы земли!“ А для нас это не лозунг, нет, — это программа действия. Тем более, что в Магнитогорске никакие другие цветы не произрастают. Поэтому мы все полны горячей любовью к деткам. Это не слова, — вот, читайте!

Мы прочитали договор между горно, нарпитом, ЦРК и горснабом. Дочитали мы до пункта шестого, в котором сказано, что означенные снабженческие органы доставляют с площадки в летнюю школу-лагерь все продукты своими транспортными средствами...

— Ну как? — спросила Никуленкова, но тут же была прервана запыхавшимся человеком, шепнувшим ей что-то на ухо.

— Что? — зловеще протянула она. — Значит, так? Хорошо же-с! Там погрузили?

— Погрузили.
— Отправили?
— Отправляют.

— Сгрузить. Задержать. Известить горно. Сами пусть везут!

Не успевший отпыхаться человек исчез. Никуленкова стукнула кулаком по столу.

— Полнобуйтесь на наши порядочки!

— Что случилось?

— Горно в отношении ЦРК изменило 6-й пункт. Оно согласилось само доставлять продукты в лагерь! Каково?

— Н-да...

— Теперь понимаете? Чем же мы хуже ЦРК? Пусть и наши продукты сами доставляют. Сейчас мною отдано распоряжение о прекращении доставки.

— Но, позвольте, какое же ваше...

— Обыкновенное. Мы не хуже ЦРК, а, может быть, и получше.

— Возможно. Но дети...
— Сукины они дети! То-есть в горно! Какое они имели право? Я им покажу. Вот посидят без продуктов, тогда узнают!

— Однако без продуктов будут сидеть не сукины дети, а дети настоящие, товарищ Никуленкова!

— Плевали мы на настоящих детей. Принцип важнее, товарищ!

С тем мы и выкатились. А вдогонку нам полетела в горно бумага:

„Заведующему горно тов. Любимову.“

Несмотря на предложение КК РКИ о доставке продуктов в санаторные лагеря и детколонию транспортом ЦРК и треста Нарпит, согласно подписанного Нарпитом с горно договора, вами, при подписании договора с ЦРК пункт 6-й был изменен в части обязательств со стороны ЦРК о доставке продуктов без уведомления об этом треста Нарпит, чем было нарушение со стороны вашей пункта 6-го заключенного договора, поэтому ставим вас в известность, что с 3 июля с. г. подвоза продуктов в лагерь и детколонию нами прекращается и будет производиться транспортом горно.

Замдиректора треста Нарпит Никуленкова“.

Ударяя от грозного послания, заскочили мы в горпрофсовет. Там от вопроса о детях сразу в радостную слезу публичка ударилась:

— Детки-то? Как в раю! И мы и страхкасса на кампанию оздоровления по сто тысяч, как одну копейку!

— Дали?

— Пока нет. Сами понимаете, — делов много. У нас ведь тоже не десять рук, не разорваться. Но... постановили. Нам для детей ничего не жалко: сто тысяч, пожалуйста!

— Так-таки ничего и не дали?

— Ни копейки! Но постановленьице есть, не извольте беспокоиться! А впрочем, зачем детшкам деньги? Ни к чему они им. То ли дело — постановленьице!

Вернулись мы в управление строительством. Там ласково осведомились о целях и результатах нашего рейда. Мы рассказали.

— Вот публика! — укоризненно сказали нам в управлении. — Брали бы пример с нас, — мы хотим еще четыреста палаток дать!

— Что? Четыреста уже дали? И еще четыреста?

ЗЕЛЕНОЕ МЕНЮ

Улучшение культурно-бытового обслуживания ИТР в столовых выразилось в том, что отдельные столики сдвинуты вместе и на них поставлены банки с засыхающими финусами. Кухня попрежнему однообразна.

А. Топиков

ИТЕЭРОВЕЦ: — Опять одно и то же! Неужели нельзя к обеду зелень достать!

ЗАВЕДУЮЩАЯ СТОЛОВОЙ: — Зажрался, черт голодный! И так у меня зелень на столе круглые сутки, — рожма еще надо?

— Нет, — ласково поправили нас, — раз уже хотели дать, теперь еще хотим. Дать не дали, но хотим. Обещали, неловко. Вот и хотим дать...

Тысяча четыреста ребят выехали из Магнитогорска в лагерь. Бюрократов в самом Магнитогорске значительно меньше.

Но детям от этого не легче!

Вл. Павлов.

БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

С ЛЕГКИМ ПАРОМ!

Выстроившую для ИТР баню в эксплуатацию сдать нельзя, так как при ней нет водосточков и воду пустить невозможно. Виночных в строительстве такой бани обнаруживать не удалось.

Осталась баня без водички, Живут без бани ИТР. Нужна ли баня? Не в пример Купаться лучше в обезличке!

ЯСНОЕ ДЕЛО

Междудуховый цех, ведавший обслуживанием других цехов мелкими поделками, упразднили. Сейчас в пожарном городке разваливается стена. Здание строил междудуховый цех, и чинить ни одна стройорганкация не согласна.

Картина ясная для всех, Никто того не отрицает: Хоть упразднили „междух“, Но межеумье процветает!

ВЫВОД ЯСНЫЙ

Зарплата на содержание аппарата Дарстрой недавно превышала зарплату рабочих.

На пять рабочих — десять заво, Две машинистки, счетовод, Автомобиль системы „Форд“, Но согласимся мы без спора, Где аппарат ценою дорог, Там стоимость его низка.

ВЗАСОС

Песковское СПО (Катайского района, Уральской области) продает колхозникам мыла не иначе, как с накруткой в 10 штук сосок на кусок.

Колхозник смотрит зло и косо, Подобный факт его зашиб, Но углубимся в суть вопроса: Для предельно-молокоса — Весьма естественный загиб!

ВИЛЫ В БОК

БАШСОЮЗОВСКИЕ БАЛАЛАЙКИ

Аургазинский район (Башкирия) с нетерпением ожидал обещанные Башсоюзом промтовары к уборочной кампании. Наконец, прибыл ящик с надписью:

„Срочно, Аургазинскому району ящик № 1659-3, счет 2.595“. Ящик с понятным нетерпением вскрыли и обнаружили 5 балалаек. Пять балалаек — это еще не так много. Значительно больше их пустых и бесструнных осталось в Башсоюзе!

ЖИЛИ-БЫЛИ

В тресте Уралтоп были две лошади. Был у треста и солидный запас овса и сена из расчета восемь кило овса и пятнадцать кило сена в день на каждую. Теперь овса и сена нет: сдены вышеупомянутыми лошадьми. Лошадей, которые сели вышеупомянутый фураж, тоже нет: пали от... истощения. Нет и вышеупомянутого Уралтопа: ликвидировали. Осталась только куча долгов, которые никак ликвидировать не могут.

Чего же иного можно было ожидать от такого управления трестом, от которого лошади дохли?

СТАНДАРТНЫЙ СТАНДАРТКОМ

Всесоюзный комитет по стандартизации послал письмо по следующему странному адресу:

„Якутская Республика, г. Якутск, Бюро по стандартизации“.

Через два месяца письмо дошло до Якутска, но так как там нет такого бюро, то почта, предполагая ошибку отправителя, отправляет письмо в Иркутск! В Иркутске письмо вскрыли и обнаружили, что письмо адресовано Якутскому бюро по стандартизации, которого в природе не существует.

Удивляться тут особенно нечему: Стандартком проявил обычную для многих наших учреждений стандартную географическую беспомощность.

ЛОШАДИНЫЙ ПОДХОД

Уралконевоколхозцентр, помимо вполне естественной для него заботы о лошадях, решил кое-что сделать и в области улучшения человеческой породы. Иначе чем же объяснить тот факт, что его отношение за № 21 к Сарапульскому райколхозу начинается с таких интригующих строк:

„При Троицком ветеринарном институте открываются курсы по искусственному осеменению ветработников и зоотехников“.

Очевидно, у Коневоколхозцентра столько лишних лошадей, что одну из них он даже ухитрился посадить в канцелярию для составления подобных бумаг.

ТОВАРИЩИ КРОККОРЫ! ШЛИТЕ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ОТДЕЛОВ: „ВИЛЫ В БОК“, „БЕГЛЫЙ ОГОНЬ“ И „КРОКОДИЛУ НА ЗАКУСКУ“.

— Скажите, колхозник, где тут у вас нива, пораженная полевыми мышами. Мой Барсик живо с ними справится.

ПЕРЕПИСКА С НЕИЗВЕСТНЫМИ.

Вопрос: — Почему нет ни одного романа под названием „Любовь кооператора?“

Ответ: — Не беспокойтесь, эти романы пишутся. Попробуйте написать даже сами. Фактический материал возьмите в Михайловской раймилиции, которая запротоколировала самый жгучий момент кооперативного романа в магазине местного сельпо, момент, когда завмагазином Михайлов, запершись во вверенном ему магазине с любимой женщиной, обливал ее с ног до головы духами и припудривал. Кормил ли он ее в припадке страсти кооперативным томатом-пюре и сырыми макаронами—неизвестно.

Вопрос: — Может ли предместкома не состоять членом профсоюза?

Ответ: — Всяко бывает. Живой пример—предместкома Тутаевского промстройсоюза, относительно которого неожиданно выяснилось, что он после Октябрьской революции все еще не удосужился вступить в профсоюз. Конечно, это—конфузно. Все равно, что прочесть лекцию по высшей математике, а потом осторожно спросить внизу у сторожа: „А сколько это, братец, будет семью семь?“

Вопрос: — Что такое судаковая икра в общем и целом?

Ответ: — На данном отрезке времени—это закуска. В пьяном виде ее можно считать даже сбитыми сливками. Но гораздо хуже, когда в трезвом виде директор консервного завода „Воля труда“ предлагает Грузахарстрою заплатить за мотор судаковой икрой.

Вопрос: — Почему на огурцах нет надписи, как на мышьяке: яд?

Ответ: — Не все еще додумались. Но в буфете костромской фабрики имени Ленина эта проблема уже решена, и буфетчик Лебедев на вопросы рабочих, почему нет огурцов и другой зелени, отвечал с чистой научной уверенностью:

— Вас жалею. Еще холерой захвораете.

Холеры в Костроме вообще нет. Есть только одна, та самая, которая стоит за буфетом.

Вопрос: — Как составляется повестка дня очередного заседания?

Ответ: — Разнообразно. В зависимости от темперамента и навыков большинства собрания. Как образцовый пример вдумчивого составления повестки дня приводим вам повестку расширенного совещания Костяковского сельсовета, где:

„Пункт 1. Мобилизация средств на 2-й квартал.

Пункт 2. Распитие 2 литров водки на немецкий расчет“.

Из этого образца вы видите, что наиболее важные очередные дела идут не всегда первым пунктом повестки дня, а иногда отнесены несколько дальше.

ВИЛЫ В БОК

С РЕГУЛЯТОРОМ

Бакинский Горт, так сказать, на страже техники. Спросит гражданин в Горге карманные часы, — продавец улыбнется и ответит: „Отсталый механизм, в архив пора сдать“. Спросит будильник, — Горт покачивается с хохоту:

— Хо-хо. Да ведь это что за аппарат? Вроде петуха. Кому это надо? Не держим. — И добавит:

— Платите в кассу 52 рубля, получите электрические часы.

Гражданин, вне себя от восторга, несется в кассу. Но тут его огорошивают:

— Во-первых, электрические часы ставятся на 50 человек, во-вторых,

начинают они работать только при установке регулятора. А регулятор стоит 690 рублей дополнительно.

Гражданин по незнательности опупевает и отказывается от регулятора. А сознательный Горт доволен. Вопрос с часами урегулирован: часы на складе не переводятся.

КРОЛИК-ВРЕДИТЕЛЬ

Директор батайского коопхоза № 3 возмущен до глубины души. Директор вне себя. Он специально приехал на президиум районной КК РКИ и произнес громовую речь:

— Как, — вопит директор, — вы предложили нашему коопхозу разводить кроликов? Да знаете ли вы,

что у нас огородное хозяйство, что кролик ест капусту и морковь, что кролик как таковой суть самый настоящий огородный вредитель. Я кролика, как огня, боюсь.

В самом деле, товарищи. Не делаем ли мы страшную ошибку, разводя кроликов на огородах и в коопхозах. Ведь они действительно едят капусту. Не лучше ли разводить этих вредителей на металлургических заводах. Пускай, каналья, погрызет гвоздь или болванку. Обломает, небось, зубы. Хотя, с другой стороны, кролик, пожалуй, умней некоторых директоров коопхозов. Наверяд ли он согласится режим переменить на 100 процентов.

СЛОЖНЫЙ ПРОЦЕНТ

Заведующий отделом советского строительства Малопургинского райисполкома Печин разослал в сельсоветы Удмуртской автономной области такое отношение:

„Предлагаю в однодневный срок выделить и послать на курсы низовых советских работников в М. Пургу одного человека, который должен удовлетворять следующим условиям: 80 проц. удмуртов, 25 проц. женщин и 65 проц. партийцев“.

И точка.

Об остальном Печин не заботится. Будут ли сельсоветы резать на части удмуртов, женщин и партийцев и составлять из них того замечательного кандидата или найдут другой выход, — их частное дело

Фотокариатура Б. Клипча

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ: — Господа, вы загадали королей! Ейн, цвей, дрей! Пожалуйста!

ХИЖ
П.

Ай-ай-ай, не узнаешь специалиста! Ну, иди, иди ко мне, кис-кис-кис!..

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануальский, Л. Митницкий.

Зав. редакцией И. Абрамский.

Ответственный редактор М. Мануальский

Москва. Изд. № 702

Сдача текста и рисунков — 19/VII

Подпись к печати — 1/VIII

Статформат А4—210×297 Печатных листов 2^{1/2}. Колич. знаков 100.000.

Уполномоч. Главлита № В—19215.

2-я тип. изд-ва ЦК ВКП (б) „Правда“. Москва, Суцеск. вал, 49.

Зак. № 1928

Тираж 500.000 экз.